

Научная статья

УДК 347.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5

Спылаев Олег Дмитриевич

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: o.spylaev@mail.ru, SPIN-код: 9537-5830

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ЭТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Добросовестность как принцип права сформировался в России достаточно недавно, вызвав научный интерес к своему содержанию и функционированию. В статье исследуется историческое формирование категории «добросовестность», её трансформация из этической в правовую, а также дальнейшее развитие и закрепление в качестве принципа права. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа добросовестности как этико-правовой категории, изучении её исторического развития и современного понимания. Методологическая база исследования включает общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специальные философские методы (диалектический метод). Исследование опирается на философские труды, нормативно-правовые акты и судебную практику. Результаты исследования демонстрируют эволюцию понятия добросовестности от древнегреческой философии до современных правовых систем. Выявлена эволюция категории «добросовестность» от этической концепции к правовому принципу с сохранением нравственной основы, определена дуалистическая природа добросовестности, включающая внутренний моральный и внешний прагматический аспекты, установлена взаимосвязь добросовестности с категориями честности, справедливости и совести.

Ключевые слова: добросовестность, принцип права, мораль, нравственность, справедливость

Для цитирования: Спылаев О.Д. Добросовестность как этико-правовая категория / О.Д. Спылаев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2026. – № 3. – С. 58–74.

Original article

Spilaev Oleg Dmitrievich

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia, e-mail: o.spylaev@mail.ru, SPIN-code: 9537-5830

GOOD FAITH AS AN ETHICAL AND LEGAL CATEGORY

Abstract. Good faith as a principle of law has only recently emerged in Russia, sparking scientific interest in its content and functioning. This article explores the historical development of the concept “good faith”, its transformation from an ethical to a legal category and its subsequent evolution and consolidation as a principle of law. The purpose of this research is to provide a comprehensive analysis of good faith as an ethical and legal category, to examine its historical evolution and current understanding. The research methodology includes general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, comparison, and generalization) and special philosophical methods (the dialectical method). The research is based on philosophical works, legal acts and judicial practice. The results of the research demonstrate the evolution of the concept “good faith” from ancient Greek philosophy to modern legal systems. The evolution of the category “good faith” from an ethical concept to a legal principle with maintaining a moral foundation has been revealed, the dualistic nature has been determined, including internal moral and external pragmatic aspects and the relationship between good faith and the categories of honesty, justice and conscience has been established.

Keywords: good faith, principle of law, morality, ethics, justice

For citation: Spilaev O.D. Good Faith as an Ethical and Legal Category. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2026, no. 3, pp. 58–74. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2026.31.5

Введение. В современном мире, характеризующемся динамичным развитием общественных отношений и усложнением системы социального взаимодействия, особую актуальность приобретает исследование этико-правовых категорий, лежащих в основе регулирования поведения индивидов и коллективов. Одной из фундаментальных категорий, определяющих качество правовых отношений и моральных устоев общества, выступает добросовестность.

Актуальность исследования обусловлена тем, что добросовестность как принцип права сформировалась в России сравнительно недавно, что породило научный интерес к её содержанию, механизмам функционирования и влиянию на правовую систему в целом. В условиях модернизации правовой системы и развития гражданского общества исследование добросовестности как этико-правовой категории приобретает особую значимость.

Формирование категории «добросовестность» в Античный период. Рассуждая о добросовестном и недобросовестном поведении, мы обращаем внимание на нормы морали, действующие в обществе в конкретный исторический период, понятия о добре и зле, о нравственном и безнравственном, о моральном и аморальном.

Понятие о добросовестности как о требовании к поведению в соответствии с действующими в обществе понятиями нравственности и добропорядочности начало складываться в Античный период. Однако не получило оформления как самостоятельная категория.

Вместе тем, отдельные высказывания и работы древнегреческих философов позволяют говорить о формировании таких понятий как справедливость, добродетель, позволяет говорить о формировании этики.

Демокрит в качестве источника морали определял внутренние побуждения человека, а не внешние по отношению к нему религиозные нормы и страх перед наказанием. Именно совесть определяет поступки. Известны такие высказывания Демокрита как: «Не из страха, но из чувства долга надо воздерживаться от проступков», «Больше всего надо стыдиться самого себя. И для души должен быть установлен закон: не совершай ничего неподобающего» [1, с. 152–156].

Именно внутренний долг, совесть побуждают человека действовать в соответствии с нормами морали. Указанные высказывания Демокрита посвящены должному, нравственному поведению по отношению к другим членам общества и закону, что согласуется с положениями о доброй совести.

Наиболее близко к понятию добросовестности подошёл Аристотель в Никомаховой этике. Рассуждая о добродетели, он указывает, что жизнь человека – это деятельность души и поступки при участии суждения. А дело добропорядочного мужа: «... совершать это хорошо (то *eu*) и прекрасно в нравственном смысле (калос), и мы полагаем, что каждое дело делается хорошо, когда его исполняют сообразно присущей (οικεία) ему добродетели...» [2, с. 10]. Саму добродетель Аристотель определяет как нравственные устои, такой склад души, при котором человек хорошо выполняет своё дело, при этом придерживаясь золотой середины [2, с. 10].

В качестве полной добродетели Аристотель называет правосудность в отношении к другому. Неправосудность – характеристика несправедливого, своекорыстного, преступающего закон человека. Правосудность, в свою очередь, характеризует законопослушного и справедливого человека. Как верно отмечает Аристотель, поступая неправосудно человек получает больше, чем следует, а терпя неправосудие – меньше [2, с. 78, 83].

Последнее высказывание согласуется с запретом на злоупотребление правом, при котором злоупотребляющее лицо получает определённые преимущества вследствие недобросовестного поведения, тем самым нарушает баланс интересов между сторонами правоотношения.

Вместе с тем, само понятие добросовестности начало формироваться в древнеримском обществе. Под *fides* понималась собственная честность и вера в честность других людей, верность данному слову и нравственная обязанность людей выполнять свои обязательства [3, с. 133].

Fides существовало параллельно праву как традиция или обычай предков, в соответствии с которым строились отношения внутри семьи и между римскими родами. Впоследствии *fides* обрело значение юридической конструкции *bona fides* (добрая совесть), предполагающее обязанность действовать в соответствии с добрыми нравами и обычаями [4, с. 36–40]. Однако несмотря на переход в правовую сферу, добросовестность сохранила в своём содержании нравственную основу.

По-видимому, добросовестное поведение, честность во взаимоотношениях, ответственность за данное слово играли в жизни римлян особую роль. Цицерон про *fides* говорит, что во время Пунической войны Регул был вынужден вернуться в лагерь врага на казнь, только чтобы не нарушать честного слова. В другом случае пленный был отпущен после клятвы вернуться с выкупом, однако он вернулся ранее, сказав, что забыл одну вещь, после второго выхода из лагеря он считал себя освобождённым. Цицерон указывает, что в этом случае имеет место обман, поскольку «... когда дело идёт о честном слове, всегда надо думать о своём намерении, а не о своих словах» [5].

Цицерон определял *fides* как основание справедливости, стойкость и правдивость в словах и принятых на себя обязательствах. «Что за золотые слова, – восклицает Цицерон, – Как честным людям надлежит поступать честно и без обмана!». Понтифик Квинт Сцевола особую роль отдавал решениям судей, в которых прибавлялось «...на основании доверия» (*ex fide bona*). Постулат о доверии получил распространение во всех основополагающих сферах жизни римского общества [5].

Трансформация добросовестности в правовую категорию. Трансформация добросовестности из этико-философской категории в правовую детерминирована развитием и усложнением общественных отношений в Древнем Риме, возникновением необходимости более точного их правового регулирования.

Первоначально появившееся в архаический период развития римского права понятие «*fides*» имело нравственное значение и было связано с честностью, верностью своему слову. Оно существовало вне правовой сферы и регулировало отношения между римскими гражданами как моральная норма.

Право представляет собой систему норм и институтов, направленных на регулирование уже сложившихся общественных отношений. В связи с этим закрепление добросовестности как правовой категории представляется абсолютно обоснованным в условиях, когда честное поведение уже играло ключевую роль в жизни Древнего Рима. Кроме того, классический период связан с ростом торговли и увеличением количества заключаемых договоров. Существовавшее на тот момент времени квинтское право характеризовалось негибкостью норм и формализмом, требованием произнесения клятв при свидетелях, что препятствовало развитию торговли. В связи с этим возникла необходимость пересмотра существующего права. Этот период также характеризуется распространением концепции естественного права и уделению внимания не внешней стороне (форме) юридически значимого действия, а его внутреннему содержанию [4, с. 36–40].

При таком общественном состоянии в праве Древнего Рима начала формироваться правовая конструкция *bona fides* как понятие о добросовестном поведении.

Формирование правовой категории *bona fides* во многом обусловлено вкладом римских юристов, чьи труды и доктринальные высказывания заложили фундамент для последующего развития данной концепции в юридической науке. Классическим определением добросовестности принято считать афо-

ризм: «fides bona contraria est fraudi et dolo» («добросовестность противоположна обману и злему умыслу»).

В работах римского юриста Юлия Павла можно обнаружить как понятие fides, так и bona fides, которые имеют различное содержание.

Fides использовалась как часть стипуляции – словесной формулы договора: «Promitto: fidei tuae erit? Fidei meae erit» – Ручаешься своей честью? Ручаюсь своей честью (Paul II.3). Также Fides использовалась для обозначения честности как качества (Paul IV.2) или внешнее проявление честности (Paul IV.3.4). Понятием fides также обозначалось достоверность каких-либо фактов или сведений. Так, если свидетели колебались относительно достоверности документов, то их нельзя было допрашивать по поводу документов (Paul V.15.4). Ещё одним значением являлось доверие или вера в чьи-либо слова, показания. По Павлу нельзя доверять рабу, донёсшему на господина, поскольку не следует в сомнительных делах ставить благополучие господина в зависимость от суждения раба (Paul V.16.4) [6, с. 26–27, 86–89, 130–131].

Bona fides как правовая категория характеризовала поступки третьих лиц при ведении дела как добросовестные. Павел указывает, что тот, кто ведёт чужие дела, обязан проявлять полную добросовестность и расточительность в делах того, кого защищает (Paul I.4.1). Добросовестность требовалась при покупке имущества и означала незнание о том, что имущество продаёт лицо, владеющее им незаконно (Paul II.17.11). Также существовали контракты, основанные на добросовестности, в их подтверждение не требовалось предоставлять какие-либо документы, если была возможность засвидетельствовать истину о добросовестности (Paul II.17.13) [6, с. 10–11, 38–39].

Приведённые фрагменты работ Юлия Павла указывают, что fides было более широким понятием, объединяющим честность как качество человека, его верность данному слову, доверие или веру в слова другого человека, а также достоверность определённых фактов или документов. Bona fides проявляется как правовой инструмент, регулирующий определённые отношения, в частности сделки и представительства, и предъявляющие требования к добросовестному поведению. Fides отражала ценности римского общества (честь как основа репутации), тогда как bona fides служила механизмом стабильности имущественных отношений. Оба термина существовали одновременно, в том числе и в правовом поле, но имели различное содержание.

Средневековье характеризуется снижением темпов развития римского права, прежде всего это связано с падением Римской империи. Добросовестность стала приобретать субъективный компонент. Это обусловлено тем, что со времён поздней Античности термин fides под влиянием христианства приобрёл доминирующее значение «вера». Эквивалентные выражения в различных языках, такие как buona fede (итальянский), bonne foi (французский), buena fe (испанский) и guter Glaube (немецкий), способствовали усилению этого значения, закрепляя его в общественном сознании [7, с. 59].

Дальнейшее развитие связано с рецепцией римского права в европейских странах и работой правовых школ. Ульрих Цазий сыграл ключевую роль в развитии концепции *Treu und Glauben*, хотя сам термин существовал в германской правовой традиции и ранее. Его вклад заключался в систематизации и синтезе римского понятия *bona fides* (добрая совесть) с германскими идеями верности (*Treu*) и доверия (*Glauben*).

Итогом трансформации понятия добросовестности из этической категории в правовую можно назвать закрепление принципа *Treu und Glauben* в Германском гражданском уложении, а затем и других странах континентальной правовой системы.

Однако нельзя сказать, что трансформация добросовестности является оконченной. Добросовестность как нравственность не является статичным понятием, а отражает меняющиеся культурные и социальные устои общества. Изменчивость представлений о нравственном опосредует изменение взглядов на добросовестность как правовую категорию.

Развитие идеи добросовестности в Новое время. Другую сторону добросовестности показывает нам И. Кант в «Метафизике нравов». Несмотря на отсутствие прямых ссылок на римские понятия *fides* и *bona fides*, философская система Канта содержит концепции, которые перекликаются с римскими идеями добросовестности.

В то время как для римского общества характерно внешнее проявление добросовестности, такие как держать данное слово, клятву, честное выполнение принятых на себя обязательств, И. Кант делает акцент на внутренней, моральной составляющей.

Обращая внимание на возможность рассмотрения права в узком и широком смысле, И. Кант к последнему относит право справедливости – лишённое понуждения право и право крайней необходимости. *Billigkeit* из-за трудностей при переводе на русский язык получило различное содержание. В одном случае это справедливость [8, с. 143] в другом – равенство (притязаний) [9, с. 98–100].

Говоря о *Billigkeit*, И. Кант приводит в пример договор хозяина со слугой, по которому последнему полагалась выплата вознаграждения к концу года. Однако за время службы деньги обесценились так, что к моменту выплаты слуга не мог позволить себе купить то, что мог приобрести в момент заключения договора. Не будучи защищён договором и правом, он мог взывать лишь к принципу справедливости [9, с. 99].

Слуга не мог защититься, используя строгое право, и принудить хозяина к выплате вознаграждения в реальной, а не номинальной стоимости. Однако мог воззвать к честности и добропорядочности хозяина, тем самым используя право в более широком смысле.

Исходя из анализа термина *Billigkeit* в работах И. Канта, Л.Э. Крыштоп отмечает, что оно больше относится к моральной сфере, а не легальной, и означает честность, равенство притязаний, совесть. Как указывает Л.Э. Крыштоп: «Апеллировать к принципу *Billigkeit* означает взывать к внутреннему го-

лосу совести человека, от которого ожидаются определённые действия, без возможности принудить его к их выполнению...» [10, с. 67–68].

В контексте развития идей добросовестности, полагаем, что И. Кант обратил внимание на внутренний аспект поведения людей, внутренний моральный долг перед другими людьми, в соответствии с которым наши поступки должны быть не только правомерными внешне, но и моральными внутри.

Добросовестность как этико-правовая категория. В настоящее время добросовестность закреплена как правовой принцип во многих правовых системах, при этом сохраняет нравственное содержание. Современное понимание добросовестности включает сочетание субъективного и объективного аспектов, учёт разумности поведения, соответствие нормам морали, принятым в обществе и учёт баланса интересов сторон.

Несмотря на правовое закрепление принципа, добросовестность сохраняет этическую сущность, что позволяет рассматривать её как междисциплинарное явление, находящееся на пересечении юриспруденции и этики. Закрепление добросовестности как принципа права актуализировало интерес исследователей к данной категории как со стороны права, так и со стороны философии.

Как справедливо отмечает Е.Е. Богданова: «Именно с позиции нравственности следует подходить к оценке поведения субъекта права как добросовестного (нравственного) или недобросовестного (безнравственного)» [11, с. 182].

В своём исследовании А.Ю. Исмаилов отмечает, что добросовестность является оценочным понятием, характеризующим поступок индивида с точки зрения проявления в нём его личностного (с акцентом на нравственное) или субъектного (с акцентом на прагматическое) начал [12, с. 11].

Согласно такому подходу, добросовестность включает два аспекта – нравственный и прагматический. Первый связан с такими этическими категориями как совесть и добро и представляет собой реализацию полноты совестного акта в практической жизни. Второй проявляется в поступках, осуществлённых с тщательностью и аккуратностью, в ходе которого достигается наилучший результат при максимальной эффективности [12, с. 14–15].

Полагаем, что добросовестность следует рассматривать как совокупность двух аспектов: внутреннего и внешнего.

Внутренний аспект характеризуется совокупностью субъективных моральных представлений индивида, включающих разграничение понятий нравственного и безнравственного, понимание категорий добра и зла, а также сформированные представления о нормах должного поведения. Ключевую роль в саморегуляции поведения выполняет совесть. Внешний аспект связан с воплощением индивидуальной воли в социальной среде и последующей оценкой таких проявлений другими членами общества с позиции их соответствия общепринятым этическим нормам. Существует и общий критерий внутреннего и внешнего аспектов – они должны быть нравственными. Можно также говорить о том, что добросовестность представляет собой дуализм субъективного и объективного.

Взаимосвязь добросовестности с другими этическими категориями.

Из рассмотренных выше высказываний и работ Демокрита, Аристотеля, Цицерона и Канта можно увидеть, что они описывали достаточно похожие явления, однако использовали для этого различные аспекты, категории и термины. Общим является то, что философы описывают требования к поведению людей, отвечающему их представлениям о положительном и должном в условиях конкретного общества.

В связи с этим для выявления сущности добросовестности необходимо соотнести её с такими этическими категориями как честность, справедливость, совесть. Сложность здесь заключается в оценочной сущности этих категорий, многообразии взглядов и представлений о морали в различных обществах и промежутках времени.

Под честностью можно понимать соответствие мыслей и намерений человека его поступкам и словам, иначе правдивость и отсутствие обмана.

Честность также находится во взаимосвязи с моральной оценкой. К примеру, говоря о честном поступке, мы оцениваем действие с точки зрения моральных устоев. Наиболее часто честность выражается в словах, мы оцениваем с точки зрения их соответствия внутренним мыслям. Если мысли соответствуют словам, мы оцениваем это как честность и моральный поступок, если нет – то как ложь и аморальное поведение.

Как указывал И. Кант: «Правдивость в объяснениях называется также честностью, если они к тому же и обещания – добросовестностью, а вообще-то – искренностью» [8, с. 367]. Однако здесь Кант говорит о прагматическом аспекте добросовестности, то есть об ответственном отношении к принятым на себя обязательствам.

Ф.И. Хамидуллина указывает, что добросовестность заключается в честности, не допускающей обмана [13, с. 6].

Однако добросовестность не сводится к честности, а включает её как необходимый компонент. Кроме честности в добросовестность входит и прагматический аспект, выделенный А.Ю. Исмаиловым, то есть включает ответственность, разумность, старательность в исполнении обязательств. Если рассматривать добросовестность не только с нравственной стороны, но и правовой, то она дополнительно включает требование уважения прав и интересов других лиц, содействия им.

Под справедливостью понимается «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей; она касается человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений)» [14].

Г.Н. Гумницкий определяет справедливость как меру гуманности в отношении к индивиду как к единице всего множества членов социума [15, с. 54].

В общем виде справедливость рассматривается как принцип построения общества, в соответствии с которым каждый получает по заслугам или каждому воздаётся должное, к её характеристикам также относят равенство и пропор-

циональное распределение благ. Философы же конкретизировали общие понятия применительно к конкретным воплощениям [16, с. 196].

Общим у справедливости и добросовестности является регулирование поведения членов общества. Однако оно, как видится, находится в различных плоскостях. Справедливость определяет равенство в отношениях между государством и его гражданами. Добросовестность – взаимное уважение и честность в отношениях между гражданами в их делах.

В.С. Нерсесянц рассматривает справедливость только как составляющую права. «В обобщённом виде, – указывает он, – справедливость – это самосознание, самовыражение и самооценка права и потому вместе с тем – правовая оценка всего остального, внеправового». Отрицание же правового основания справедливости приведёт к её подмене некими частичными интересами и произвольным содержанием: нравственным, религиозным, политическим, социальным. Отсюда и получило распространение множество противоречивых внеправовых представлений о справедливости [17, с. 29–32].

С такой позиции справедливость выступает как оценка всех правовых и неправовых отношений на соответствие действующему в обществе праву. В таком случае добросовестность – это оценка правового и внеправового поведения конкретного человека по отношению к другим.

Под совестью понимается «способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать своё несоответствие должному – неисполненность долга» [14].

И. Кант определял совесть как «практический разум, напоминающий человеку в каждом случае [применения] закона о его долге оправдать или осудить» [8, с. 335].

Совесть, как способность критически оценивать свои действия, служит основой для добросовестного поведения, направленного на соблюдение долга и справедливости. Совесть осуществляет функцию внутреннего судьи, соотнося собственное поведение человека с представлениями о нравственном.

Добросовестность как принцип права. Добросовестность как основополагающий принцип права закреплена в многих правовых системах. Вместе с тем, в зависимости от правопорядка отличается его содержание. Выделяются дуалистическая и монистические концепции добросовестности [7, с. 53–55].

Дуалистическая концепция предполагает чёткое разделение добросовестности на два аспекта: объективную добросовестность, представляющую собой систему объективных требований, основанных на принципах честности и справедливости, и субъективную добросовестность, относящуюся к личному убеждению или состоянию сознания конкретного лица. Дуалистическая концепция добросовестности преобладает во многих правовых системах, например, в швейцарском, итальянском и голландском праве.

Монистические концепции предполагают однородность добросовестности, но подразумевают различные интерпретации её содержания. Традиционный субъективный монизм, характерный для французского гражданского права

и выраженный термином *bonne foi*, рассматривает добросовестность исключительно как субъективное состояние ума. В то же время современный объективный монизм, доминирующий в австрийском праве и выраженный термином *Redlichkeit*, определяет добросовестность как объективную систему требований добросовестного поведения.

Различия между дуалистической и монистическими концепциями проявляются в подходах к доказательству недобросовестности. Дуалистическая концепция требует более строгих доказательств, обычно связанных с наличием явного злого умысла или грубой неосторожности. В то же время монистические системы допускают различные степени отклонения от добросовестного поведения.

Определение добросовестности представляет собой сложную задачу, обусловленную многоаспектностью и неопределённостью данного понятия. В попытках конкретизировать концепцию добросовестности некоторые исследователи акцентируют внимание на субъективном элементе, анализируя психологическое состояние ума. Однако доминирующая парадигма сосредоточена на объективных критериях, рассматривая добросовестность как обязательство «играть честно», «признаваться» и «раскрывать карты», руководствуясь стандартами «честности», «разумности», «обязанности сотрудничать» и «защиты обоснованных ожиданий». В рамках данного подхода часто утверждается, что эти ожидания являются разумными. Другие учёные высказывают мнение о том, что добросовестность не обладает универсальным значением, а функционирует как «исключающий» термин, используемый для идентификации поведения, не запятнанного недобросовестностью. Однако данное определение не может быть принято в качестве единственного, поскольку оно превращает добросовестность в абстрактную категорию, лишённую реального содержания. Добросовестность не сводится лишь к отсутствию недобросовестности; она включает в себя как активные действия, так и пассивное поведение. Она предполагает обязательство сотрудничества, честное и разумное поведение, а также учёт законных интересов и разумных ожиданий другой стороны или сторон [18, с. 134–135].

На международном уровне добросовестность как принцип закреплён в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)¹ как обязанность действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой.

В России закрепление добросовестности как правового принципа связано со вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ с 1 марта 2013 г.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно².

¹ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

Разъясняя данное положение, Верховный суд Российской Федерации указал, что при оценке действий сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации³.

В ГК РФ термин «добросовестность» может быть рассмотрен в объективном и субъективном смыслах.

Объективная добросовестность проявляется как внешний стандарт поведения, ожидаемый от участников оборота. К примеру, запрет на введение контрагента в заблуждение (ст. 178 ГК РФ) или требование честности при заключении договора (ст. 431.2 ГК РФ).

В субъективном плане добросовестность – это извинительное незнание об определённых фактах. К примеру, приобретение имущества у неуправомоченного лица (ст. 302 ГК РФ), а также невозможность знать о нарушениях при заключении сделки (ст. 174.1 ГК РФ).

В отсутствие законодательного закрепления дефиниции добросовестности разработка её понятия и критериев осуществляется наукой гражданского права.

Однако сложности в определении понятия имеются как у российских, так и зарубежных исследователей. Трудность вопроса о добросовестности связана, в первую очередь, с тем, что это понятие отражает систему взглядов, сложившихся в социуме, на моральную сторону поведения участников гражданских правоотношений.

Как указывает Мартин В. Хесселинк, добросовестность связана с моральными нормами. Её представляют как моральный стандарт или юридико-этический принцип, означающий честность, прямоту, лояльность, а также обязанность одной стороны принимать во внимание интересы другой. Добросовестность также считают путём, через который нравственные ценности проникают в право [19, с. 471–498].

Ж.И. Седова добросовестность определяет как норму-принцип, обладающую сверхимперативной юридической силой и являющуюся частью публичных порядков (международных и национальных). Она регулирует общественные отношения через запрет недобросовестного поведения, действует напрямую, а не только субсидиарно, и имеет собственный метод правового регулирования [20, с. 23–24].

Согласно позиции М.В. Демьяновой, принцип добросовестности представляет правовую оценку поведения лица «в диапазоне от поведения лица, учитывающего интересы иных участников гражданского оборота, до поведения, направленного на реализацию чужого интереса». Принцип добросовест-

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: сайт. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8435/?ysclid=mou8i22vvc419083659> (дата обращения: 06.05.2026).

ности является этическим ориентиром, который запрещает участникам корпоративных отношений действовать во вред другим и определяет рамки их эгоизма [21, с. 8–9].

Е.Е. Богданова под добросовестностью понимает «сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаем, судебной практикой систему представлений о нравственности поведения сторон договора при приобретении, осуществлении и защите субъективных гражданских прав, а также при исполнении обязанностей». Нравственность следует оценивать на основе представлений о добре и зле [22, с. 11].

Полагаем, что в контексте рассмотрения добросовестности как принципа права имеют главное значение две его характеристики. Первая определяет добросовестность как принцип, то есть основополагающее начало права, в целом определяющее содержание и направление правового регулирования. Вторая определяется содержанием данного принципа, устанавливающего определённый стандарт поведения участников оборота (объективный аспект) и извинительное заблуждение относительно определённых фактов (субъективный аспект).

Концепция добросовестности в правовом контексте восходит к фундаментальным философским категориям добра и совести, являясь важным отражением общественных представлений о нравственности. В частности, в ГК РФ (ст. 1, 10) добросовестность определяется не только как правовая категория, но и как этическая, которая предполагает недопустимость обмана или злоупотребления правом.

Ранее был рассмотрен вопрос о трансформации этических норм в правовой принцип добросовестности. Он был связан с правовым закреплением действующих в римском обществе нравственных норм поведения.

Конечно, действующие представления о нравственности в Древнем Риме отличаются от современных представлений, в связи с этим и добросовестность в настоящее время имеет другое содержание. Оно различается в различных странах, как отличается и содержание принципа добросовестности.

Право и мораль как социальные регуляторы имеют общий предмет – упорядочивание поведения людей в рамках общественных отношений. Учёными признаётся, что представления о нравственности в обществе являются основой для понимания принципа добросовестности.

В законодательстве отсутствует дефиниция «добросовестность» в связи с невозможностью придания абстрактной формы с выделением ключевых свойств, объединяющей всю совокупность явлений, определяемых как нравственность.

В связи с этим нравственные понятия включаются в право в виде оценочных категорий, наполнение конкретным содержанием которых осуществляется судом в ходе судебного разбирательства. На основании внутреннего убеждения судья решает, является ли конкретное поведение лица нравственным или нравственным.

Вместе с тем, отсутствие законодательной дефиниции добросовестности может привести к неопределённости в её практическом применении. Российские исследования понятия добросовестности часто развиваются изолированно

от мировой юридической науки, что ограничивает их потенциал для формирования единого и универсального подхода к этой проблеме [23, с. 26–37].

Понятие добросовестности также закреплено в некоторых кодексах профессиональной этики.

Статья 11 Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих закрепляет, что государственные (муниципальные) служащие призваны исполнять должностные обязанности добросовестно и на высоком профессиональном уровне⁴.

Статья 5 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает, что профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему⁵.

В приведённых кодексах указывается как прагматический аспект добросовестности, то есть ответственное отношение к выполнению обязанностей, так и нравственный аспект.

Стоит отметить, что ряд отечественных исследователей рассматривают принцип добросовестности в рамках позитивистской доктрины. Так, С. Яковлева отмечает, что при рассмотрении вопросов о добросовестности и злоупотреблении правом авторы от рассмотрения юридических конструкций переходят к философским рассуждениям о морально-этическом содержании того или иного поведения, о добре и зле. В противовес этой позиции С. Коломбо подчёркивает, что значительные расхождения между правовой системой и доминирующими этическими нормами общества могут привести к неблагоприятным социальным и политическим последствиям [11, с. 182].

Заключение. В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Историческое развитие понятия добросовестности прошло несколько важных этапов:

- В древнегреческом обществе формировались базовые понятия о справедливости и добродетели;
- В Древнем Риме произошло становление юридической концепции добросовестности (*fides*, *bona fides*);
- В Новое время И. Кант развил внутреннюю, моральную составляющую добросовестности.

2. В содержание понятия добросовестность включается внутренний моральный аспект (совесть, долг, нравственность) и внешний прагматический аспект (ответственность, старательность, эффективность, стандарты нравственного поведения).

⁴ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

⁵ Кодекс профессиональной этики адвоката: редакция от 15.04.2021: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.05.2026).

3. Междисциплинарный характер добросовестности подтверждён её функционированием на стыке права и этики, что проявляется в сохранении этической сущности при правовом закреплении, сочетании субъективного и объективного начал.

4. Категория «добросовестность» тесно взаимосвязана с другими этическими категориями. Честность является важной составляющей добросовестности и полностью входит в её содержание. Справедливость определяет общие принципы построения общественных отношений, а добросовестность регулирует межличностные взаимоотношения. Совесть выступает внутренним аспектом добросовестности как внутренний регулятор поведения человека.

5. Современное понимание добросовестности характеризуется сочетанием субъективного и объективного аспектов, учётом разумности поведения, соответствием нормам общественной морали, балансом интересов всех участников отношений. В правовой сфере добросовестность закреплена как основополагающий принцип во многих правовых системах, сохраняет нравственную основу и выполняет интерпретационную, дополняющую и ограничивающую функции.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики включают изучение современных тенденций развития принципа добросовестности в различных правовых системах, анализ правоприменительной практики по вопросам добросовестности, исследование влияния цифровизации на понимание добросовестности в общественных отношениях, отношениях в сети «Интернет».

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности непосредственного применения его результатов в законотворческой деятельности, заключающейся в совершенствовании нормативно-правовой базы с учётом дуалистической природы добросовестности, развитии профессиональных стандартов путём внедрения этических норм добросовестности в кодексы профессиональной деятельности, в правоприменительной практике, заключающейся в определении критериев оценки добросовестности участников правоотношений, выявлении недобросовестного поведения.

Проведённое исследование показало, что добросовестность представляет собой фундаментальный принцип, лежащий в основе как этического, так и правового регулирования общественных отношений. Это междисциплинарное явление требует дальнейшего изучения и конкретизации в современных условиях развития общества и права.

Список источников

1. Виц Б.Б. Демокрит / Б.Б. Виц. – М.: Мысль, 1979. – 212 с.
2. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России»: сайт. URL: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=526> (дата обращения: 06.05.2026).

3. Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве / И.Ю. Карлявин // *Lex Russica*. – 2015. – № 1. – С. 130–140.
4. Лапо П.В., Шапран Н.В., Чесноков Д.А. Эволюция категории «добросовестность» в римском частном праве / П.В. Лапо, Н.В. Шапран, Д.А. Чесноков // *Advances in Law Studies*. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 36–40.
5. Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях / М.Т. Цицерон; пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993. – 245 с.
6. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Павел Юлий; пер. с лат. Е.М. Штаерман; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Зерцало, 1998. – 285 с.
7. Földi A. Remarks on the notion of «*bona fides*» / A. Földi // *Annales Univ. Sc. Budapest. sectio iur.* – 2007. – Vol. 48. – P. 53–72.
8. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2 / И. Кант; под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М: Мысль, 1965. – 478 с.
9. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5 / И. Кант; под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 1120 с.
10. Крыштоп Л.Э. Лекции Канта по естественному праву: справедливость и совестливость / Л.Э. Крыштоп // *Кантовский сборник*. – 2016. – № 4. – С. 63–72.
11. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов / Е.Е. Богданова // *Lex Russica*. – 2016. – № 1 (110). – С. 177–182.
12. Исмаилов А.Ю. Человек добросовестный: взаимодействие морального и правового аспектов индивидуального бытия: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / А.Ю. Исмаилов. – Челябинск, 2011. – 22 с.
13. Хамидуллина Ф.И. Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Ф.И. Хамидуллина. – Казань, 2019. – 59 с.
14. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f> (дата обращения: 22.04.2025).
15. Гумницкий Г.Н. Основы этики: монография. 2-е изд., испр. и доп. / Г.Н. Гумницкий. – Иваново: ИвГПУ, 2016. – 132 с.
16. Максимов Л.В. Феномен морали: аналитические этюды / Л.В. Максимов. – М.: Логос, 2020. – 264 с.
17. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
18. Mohsen A. Abuse of rights in International arbitration / A. Mohsen. – London, 2018. – 364 p.
19. Hesselink Martijn W. The Concept of Good Faith / Martijn W. Hesselink // *Towards a European civil code*. – 4th rev. and exp. ed. – 2011. – Pp. 619–649.

20. Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5, 5.1.3 / Ж.И. Седова. – М., 2024. – 569 с.

21. Демьянова М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.В. Демьянова. – М., 2022. – 27 с.

22. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Е.Е. Богданова. – М., 2010. – 63 с.

23. Вердиян Г.В. Теория добросовестности как философская и социальная категория / Г.В. Вердиян // Вестник Финансового университета. – 2011. – № 5. – С. 23–28.

References

1. Vits B.B. Demokrit. Moscow, Mysl, 1979. 212 p. (In Russian).
2. Aristotle. Nikomakhova Ethics. Available at: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=526>. (In Russian).
3. Karlyavin I.Yu. Methodological Significance of the Categories Fides (Conscience) and Bona Fides (Good Conscience) in the Roman Private Law. *Lex Russica*, 2015, no. 1, pp. 130–140. (In Russian).
4. Lapo P.V., Shapran N.V., Chesnokov D.A. Evolution of the Category “Good Faith” in the Roman Private Law. *Advances in Law Studies*, 2023, vol. 11, no. 4, pp. 36–40. (In Russian).
5. Cicero M.T. On Old Age, On Friendship, On Duties. Moscow, Nauka, 1993. 245 p. (In Russian)
6. Julius Paulus. Five Books of Sentences to His Son. Fragments of Domitius Ulpianus. Moscow, Zertsalo, 1998. 285 p. (In Russian).
7. Földi András. Remarks on the Notion of “Bona Fides”. *Annales Univ. Sc. Budapest.*, 2007, vol. 48, pp. 53–72. (In English).
8. Kant I. Works in Six Volumes. Vol. 4. Moscow, Mysl, 1965. 478 p. (In Russian).
9. Kant I. Metaphysics of Morals. Part 1. Works in German and Russian. Moscow, Canon+ Rehabilitation Research Center, 2014. 1120 p. (In Russian).
10. Kryshchtop L. Kant’s Lectures on Natural Law: Justice and Conscientiousness. *Kantian Journal*, 2016, no. 4, pp. 63–72. (In Russian).
11. Bogdanova E. E. The Principle of Good Faith: The Relationship between Legal and Moral Aspects. *Lex Russica*, 2016, №1 (110), pp. 177–182. (In Russian).
12. Ismailov A.Yu. A Conscientious Person: Interaction of Moral and Legal Aspects of Individual Existence. *Cand. Dis. Thesis*. Chelyabinsk, 2011. 22 pp. (In Russian).
13. Khamidullina F.I. The Moral Foundations of Civil Law. *Doc. Dis. Thesis*. Kazan, 2019. 59 p. (In Russian).
14. Stepin V. S. (ed.). New Philosophical Encyclopedia. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social and Scientific Foundation. Moscow, Mysl, 2010. Available at:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5facde7eb2c0a9b05e9f>. (In Russian).

15. Gumnitsky G.N. Fundamentals of Ethics: A Monograph. Ivanovo, IvSPU, 2016. 132 p. (In Russian).

16. Maksimov L.V. The Phenomenon of Morality: Analytical Studies. Moscow, Logos, 2020. 264 p. (In Russian).

17. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Textbook for Universities. Moscow, Norma, 2005. 656 p. (In Russian).

18. Mohsen A. Abuse of Rights in International Arbitration. Queen Mary University of London, 2018. 364 p. (In English).

19. Hesselink Martijn W. The Concept of Good Faith. Towards a European Civil Code, 2011, pp. 619–649. (In English).

20. Sedova Zh.I. The International Legal Principle of Good Faith as the Basis for Regulating Private Law Relations. *Doc. Dis.* Moscow, 2024. 569 p. (In Russian).

21. Demyanova M.V. The Principle of Good Faith in Corporate Law. *Cand. Dis. Thesis.* Moscow, 2022. 27 p. (In Russian).

22. Bogdanova E.E. Good Faith of Participants in Contractual Relations and Problems of Protecting Their Subjective Rights. *Doc. Dis. Thesis.* Moscow, 2010. 63 p. (In Russian).

23. Verdijan G.V. The Conscientiousness Theory as Philosophical and Social Category. *Bulletin of Finance University*, 2011, no. 5, pp. 23–28. (In Russian).

Информация об авторе

Спылаев Олег Дмитриевич –
аспирант кафедры гражданского
права и процесса

Information about the Author

Spilaev Oleg Dmitrievich –
Postgraduate student of the Depart-
ment of Civil Law and Procedure

Статья поступила в редакцию 06.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 24.07.2026 г.; принята к публикации 27.07.2026 г.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 24.07.2026; accepted for publication 27.07.2026.